

Кара-Мурза С.Г.

**Символическое
наследие СССР
и зачем оно нам**

МОСКВА 2016

Библиотека аналитика

Сергей Кара-Мурза

**Символическое наследие
СССР и зачем оно нам**

«Когито-Центр»

2016

УДК 32.019.5
ББК 60

Кара-Мурза С. Г.

Символическое наследие СССР и зачем оно нам / С. Г. Кара-Мурза — «Когито-Центр», 2016 — (Библиотека аналитика)

ISBN 978-5-89353-489-4

Реформа в РФ вызвала дезинтеграцию общества, системный кризис, распад шкал интересов и ценностей, деградацию культуры. Чтобы выйти из этого состояния, надо восстановить коммуникации между общностями и с государством. Но большинство населения, сохраняющее ценности справедливости, «ушло в катакомбы» – его отсылки к нормам и памяти СССР сейчас неприемлемы. Эта общность исключена из диалога – и вся политическая система с ее институтами усечена и неравновесна. Надо класть фундамент новой системы – исходя из реальности. Общности большинства, сохраняя свои ценности, должны начать диалог не из аксиом прошлого, а из альтернатив в границах возможности. Тогда возникнет оппозиция как конструктивная сила. Русская революция и создание СССР были взрывом духовной силы. Ее символический образ стал преданием со сменой поколений. Этот образ – наше наследие, и оно необходимо, но не как руководство борьбы и строительства в иной, более сложной реальности.

УДК 32.019.5

ББК 60

ISBN 978-5-89353-489-4

© Кара-Мурза С. Г., 2016
© Когито-Центр, 2016

Содержание

1	8
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Кара-Мурза

Символическое наследие СССР и зачем оно нам

Заслужите приобретенное от предков, чтобы истинно владеть им
И. В. Гёте

© Кара-Мурза С. Г.

* * *

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – советский и российский учёный, по образованию химик, профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, философ, политолог и публицист, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Состояние России требует срочно разгрести хаос мифов и фантастических идеологем, нагроможденных длительным системным кризисом. Без того, чтобы хоть немного упорядочить представления о реальности и ее предыстории, невозможно никуда двинуться. Нужны пусть грубые, но связные объяснительные модели нашего положения. Их появление потянет за собой очередную попытку начать диалог с общностями и с властью. А дальше – шанс на появление *оппозиции*, без которой в нашем состоянии будем продолжать топтаться. Группа из «бригады Ельцина» и ее интеллектуальные сподвижники, недовольные нынешней властью, не является оппозицией, не стоит об этом говорить.

В этом очерке мы говорим об *оппозиции в состоянии ее зарождения* – не о той, которая ходит на демонстрации, кладет цветы на могилу Сталина и обличает коррупционеров на митингах и в Госдуме. Эта деятельность нужна, она людей поддерживает. Но она не соединилась с тем, что Энгельс назвал первым типом политической борьбы – *теоретическую борьбу* (т. е. изучение и представление реальности, поиск альтернативных действий). Без этого не помогли бы ни забастовки, ни «бульжнички оружие пролетариата». Маркс и Энгельс создали *учение*, которое на сто лет снабдило самосознанием буржуазное общество и превратило массу наемных рабочих в пролетариат, в «класс для себя». И этот класс в союзе с левой интеллигенцией и частью буржуазии стал политической силой, которая «сбалансировала» капитализм.

России это не подошло – в Запад к себе ее не принимал, пришлось выработать *другую теорию*, для крестьянских стран. Россия «обошла» капитализм и устроилась в СССР, многие другие страны шли «по касательной» на периферии капитализма. Сейчас в России нет ни СССР, нет и западного капитализма. Что за строй и куда он катится, трудно понять. Положение критическое, необходимо представление о реальности и о вариантах движения – и направления и «транспортных средств». Для этого и нужна оппозиция, способная вести *теоретическую борьбу*.

Многие мыслители об этом говорили. П. Бурдьё так сказал: «Собственно политическое действие возможно, поскольку у агентов, включенных в социальный мир, есть знание (более или менее адекватное) об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире. Это действие призвано произвести и навязать представления (ментальные, словесные, графические или театральные) о социальном мире, которые были бы способны воздействовать на этот мир, воздействуя на представление о нем у агентов».

Таким образом, политическое действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании людей – и элиты, и массы. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Как подчеркивал П. Бурдьё, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира». Когнитивный бунт – это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Недовольство без изменения в видении мира может лишь *бунт толпы*, ярость которой хозяева дискурса могут направить в любые стороны.

В другом месте Бурдьё уточнил: «Познание социального мира, точнее, категории, которые делают его возможным, суть главная задача политической борьбы за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира».¹

Это как будто прямо сказано для той части нашего населения, которая в 1980-е годы стремилась «сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира». Этот социальный мир – СССР. Но чтобы вести политиче-

¹ Основной источник суждений Бурдьё см.: *Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.*

скую борьбы «за возможность сохранить» советский строй, надо было гораздо лучше познать наш социальный мир.

Здесь рассмотрим один из факторов, затрудняющих возникновение дееспособной оппозиции уже в нынешнем, постсоветском кризисном обществе. В данный момент, как ни покажется странным, это препятствие – выведение оснований для обращения к гражданам из *успехов советского проекта*.² Сейчас мы проходим период дезинтеграции общества и распад общей мировоззренческой матрицы, и обращаться к широкой аудитории с примерами из советской жизни, которую мы утратили, только усилит раздор.

Этот фактор кажется второстепенным, но он тесно связан со всей системой причин этого кризиса и уже очевиден.

Этот очерк посвящен узкой теме, во многом методологической. Эмпирическое представление о реальности у большинства сходно, об интерпретации и оценке этой реальности говорить не будем (мою трактовку краха СССР и его следствий см.³). Тем более в этом очерке нет претензий на теоретические спекуляции – в предмете, который мы обсуждаем, переплетены *рациональное мышление* и системы *психики*. А в политических процессах, которые мы хотим понять, очень часто психика политиков и массы подавляет разум.

Поскольку речь идет о явлениях *психики*, и эту иррациональную силу нет возможности отстранить разумом и повернуть логикой, наши задачи наталкиваются на методологические препятствия. Казалось бы, симптомы и побуждения всплесков подсознания людей в переломные периоды должны были быть подробно изложены в учебниках, но этого не было.

Немногие современные авторы оставили разрозненные тексты, и не в «инженерном» сухом и ясном стиле, а в форме эмоциональных и даже мистических эссе. Каноны Просвещения не позволяли этим темам вторгаться в науку, хотя сфера иррационального у всех перед глазами и нередко его облако покрывает сразу миллионы людей и превращает в пепелища целые державы. На наших глазах рухнул с огромными жертвами СССР, и взрослые могут осторожно рассказать об этом детям и внукам. Это необходимое предупреждение, независимо от отношения к этой катастрофе. В памяти должен быть сигнал о *катастрофе*, о нем будут думать.

² Имеется в виду успешная реализация советского проекта до начала фундаментального (еще скрытого) кризиса СССР в 1960–1980-е годы.

³ Кара-Мурза С. Крах СССР. История и версия объяснения. М.: Алгоритм, 2013.

1

Приступая к нашей теме полезно дать краткую периодизацию изменения картины этой катастрофы в той группе товарищей, к которой принадлежит автор. Группа эта состояла из гуманитариев, «естественников», инженеров. Сейчас эта группа очень поредела, но их идеи и тексты как будто живут и развиваются, наполняются новыми смыслами. Все товарищи нащупывали трещины в стене незнания, чтобы пробиться или хотя бы увидеть кусочек пространства за этой стеной.

Все мы, выйдя из уютного терема советского образования и прессы, оказались наивными и невежественными перед зрелищем обрушения СССР – и стабильные приверженцы советского строя, и сомневающиеся, и недавние диссиденты. Можно вспомнить В. В. Кожина, которого считали «шестидесятником»,⁴ в конце перестройки стал с самопожертвованием и замечательным умением изучать историю русской революции и СССР.

На мой взгляд, этот период (примерно 1985–1995 гг.) был заполнен непрерывными обсуждениями с товарищами, поиском и чтением литературы, отечественной и зарубежной. Новые данные и суждения сразу публиковались в полемике с идеологами перестройки и реформы, а также в «просветительской» публицистике для всей публики. Тиражи были малые, но эти тексты как-то доходили до людей, даже странно. Содержание их было простое, лобовое: факты, разоблачающие антисоветскую ложь, данные об экономике и социальной системе СССР, угрозы, которые генерирует реформа, полезные сведения из истории России и Запада. Для сложных тем мы еще не были готовы, но поток простых фактов и доводов хоть немного охлаждал рыночные иллюзии и утопии. После 1992 г. все эти тексты без всякого красноречия увязывались с социальной реальностью. Шлифовать стиль времени не было, новая молодежь попрекнет, ничего не поделаешь.

Следующие 5 лет, не прекращая производства этих сермяжных текстов, обсуждения сдвинулись к более сложным проблемам, которых мы не касались в советское время ни в вузах, ни в прессе, ни на интеллигентских кухнях. Я сужу по нашему кружку, но, похоже это происходило и у других подобных групп.

Так, была поставлена проблема изменения массового сознания («манипуляции сознанием»). Это явление было констатировано социологами, был собран богатый материал в иностранной литературе – там эта технология отработывалась два века. У нас она нанесла тяжелый удар, целый ряд эпизодов позволял квалифицировать эти операции как внутреннюю информационно-психологическую войну. Это – совершенно новое состояние государства и общества, столь серьезное изменение надо изучать и учитывать в политических процессах.

Описание вызревания и протекания русской революции, а затем и строительство институтов советского общества и государства (например, в книге «Советская цивилизация»), поставило очень много принципиальных вопросов, которых обществоведение (прежнее и нынешнее) обходило и обходит. Все они важны для понимания истории и развития СССР, но еще более они важны для современной молодежи, которой необходимо знать, как были устроены советские социально-технические системы (промышленность, армия, школа, наука и др.) – молодежи придется их осваивать, возрождать и модернизировать. Эти системы – база, всякие постиндустриализмы без нее не появятся.

Широкое, шаг за шагом описание революции и строительства СССР уже с новыми источниками, с образами систем, с фоном и контекстом и с приемами «науки становления» в период 1995–2005 гг., было доступным, как стало можно делать свои картины-панорамы художникам,

⁴ В 1991 году Кожин говорил, что он сам «не только не член партии, но ещё и антикоммунист с большим стажем, но в нынешних условиях, – никуда не денешься, – получается, что КПСС – одна из опор страны».

открывшим перспективу. Сейчас, снова прочитывая в уме книги А. В. Чаянова и Ф. Броделя, А. Грамши, В. В. Кожина и А. С. Панарина, а также огромный массив эмпирического материала социологов, в этих широких описаниях проглядываешь сам собой сложившийся «скелет» (или карту движения) советского проекта и его жизни.

Из этой карты видно и куда ведут дорожки с нашего пепелища. На карте видны сгустки сложных проблем и узлы возникающие в них конфликты. Раньше их старались не видеть или приукрасить, да и для рефлексии не было времени и подхода. Теперь эти тексты – полезный материал для учебных пособий. Знание полезно и правым, и левым, и самой власти.

Я и мои товарищи так и оценивали тексты 1995–2005 гг. – как заделы, содержащие перечень актуальных проблем, которые оставались в тени. Так, многие главы «Советской цивилизации» были разработаны в серию небольших книг в жанре учебных пособий (без грифа, но полезных).

Но из этого перечня несколько проблем нам показались жгучими. Уже в середине 1990-х годов мы стали обсуждать странную природу постсоветского кризиса, небывалого в промышленных странах в Новое время, тем более без явной войны. Организация ООН (ЮНИДО), регулярно изучающая состояние промышленности стран и регионов, обнаружила три региона, в которых произошли не кризисы, а *«разрушение промышленности»*. В докладе было три одинаковых по форме графика динамики промышленного производства. Эти графики принадлежали Ираку, бывшей Югославии и бывшему СССР. Расширенный в прошлое график СССР (до 1990 г.) и далее СНГ дан на рис. 1.

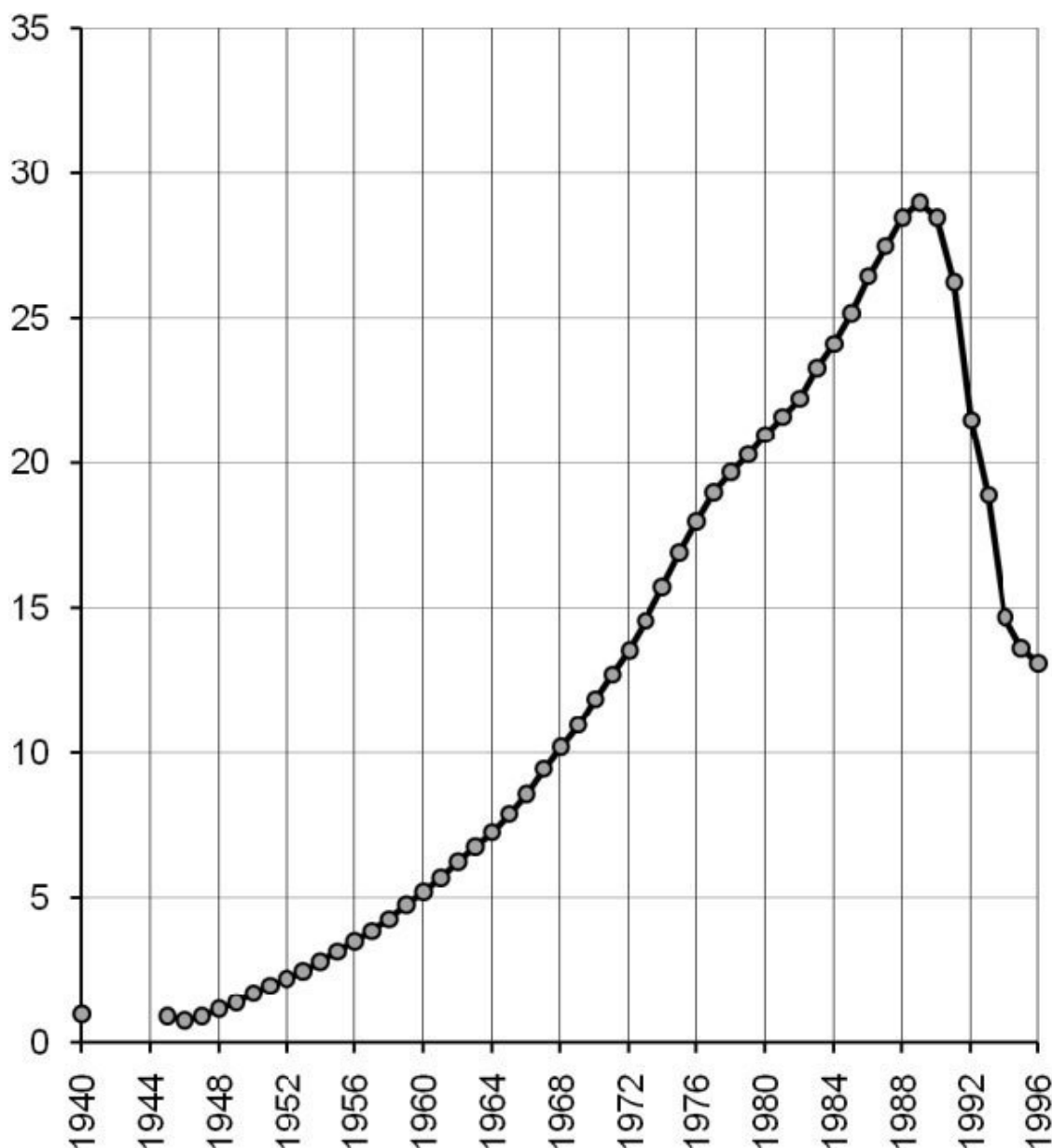

Рис 1. Индексы объема производства промышленности СССР и СНГ (1940 = 1)

Что поразило экспертов ЮНИДО: в Ираке и Югославии промышленность была разрушена бомбардировками, а в СССР – реформой под лозунгом «демократия и ускорение развития».

Это – необычное явление. Даже если бы власти приняли ошибочные волюнтаристские решения, в государстве и обществе культурной страны должны были быть разумные силы, которые нашли бы веские аргументы убедить представительные и исполнительные власти остановить разрушительный процесс. Как можно было почти 10 лет наблюдать уничтожение народного хозяйства и спорить об эфемерных вещах! Что с нами произошло?

Уже надо было не описывать идеи и события периодов революции и здорового существования СССР. Какое воздействие парализовало разум и волю общества, интеллигенции, научного сообщества, политического актива и государственных деятелей? Как мог этот коллективный психоз, почти мистический морок, охватить образованный советский народ из 290 млн человек?

Перед нами стала задача, о которой десять лет назад никто из нас и не подумал бы. Стали собирать источники, и отечественные, и иностранные, а также проявления симптомы этого неведомого состояния. Вывод был таким: две большие общности, в которые по-разному собрано население страны, – народ (нация) и общество – дееспособны, пока являются *системами*. Распад важных связей и элементов этих систем (их дезинтеграция) парализует ряд способностей («компетенций») народа и общества. Надо описать эти процессы! Предупрежден значит вооружен (*praemonitus praemunitus*, лат.).

Так были сделаны две взаимодействующие книги: «Демонтаж народа» и «Потерянный разум». Была серия и производных от них книг (например, «Революция на экспорт», «Угрозы России»). Поскольку, как нам казалось, в таких книгах была срочная потребность, эти тексты были, как и предыдущие, не высшего качества. Наверняка кто-то напишет лучше. Что же касается дезинтеграции российского общества, эту проблему очень хорошо представили социологи. Из статей «СОЦИСа» по этой теме можно уже сделать ценную монографию.

Завершилась эта серия текстов обращением к методологии общественной науке. Уже 30 лет как стало почти очевидно, что сложившееся в послевоенный период обществоведение все больше и больше отставало от темпа изменений в обществе и государстве. В результате не были изучены, а часто и не распознаны, массивные общественные процессы, чреватые рисками множественных мировоззренческих, культурных и социальных кризисов, которые и слились в системный кризис, приведший к краху СССР и глобальной катастрофе. Книга на эту тему в издательстве.

Можно сказать, что этап изучения и размышлений между 2005 и 2015 гг. подвел нас, похоже, к наиболее туманной и деликатной теме: взаимодействие разума и психики в политической сфере. У всех нас накопился большой и драматический опыт проявления закона борьбы и единства этих противоположностей. Достоевскому это и не снилось.

Эта проблема с каждым годом становится все более жгучей. Но подступиться к этой теме трудно, но надо. На мой взгляд, к рассмотрению предлагаемого предмета уместно привлечь концепцию *инновации* в общественных процессах, которую начал разрабатывать М. Вебер. Он был великим рыцарем и тружеником *рационализма*, но пришел к выводу, что реальная практика людей формируется под воздействием импульсов и разума, и психики.

Его идея, по-видимому, в бурный период после 1918 г. осталась незавершенной, хотя его заметки и черновики обладают большим потенциалом, а в данный момент его идея становится очень актуальной. Ее освоение и доработка были бы очень ценными для российского обществоведения – и для власти, и для становления оппозиции, нашего частного предмета.

Но вначале придется кратко привести представления о разных типах обществ и государств. Различия этих типов, в принципе, известны, однако советское и постсоветское обществоведение эти различия игнорируют или касаются поверхностно (часто и неверно), а здесь сравнение этих типов необходимо. Сделаем выжимку из сравнения – кратко и в свете нашей темы, а без этого фона и выводы были бы непонятны.

2

В последние два века в обществоведении выделялись две идеальные («чистые») модели обществ и государств: одни *традиционные*, другие *современные*. Раньше на Западе говорили: «варварские» и «цивилизованные» общества и государства. Теперь мода на толерантность, и термины стали мягче. Современным назвали *государство модерна*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.